

Тувинская этничность как объект исследования

Венера Седит-оооовна Донгак¹, Долаана Шолбан-ооловна Монгуш²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, зав. кафедрой философии, доцент
ORCID: 0000-0002-2220-523X. E-mail: dongak@mail.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
аспирант кафедры философии
ORCID: 0000-0001-5428-9151. E-mail: dana_ksd@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Донгак В. С., Монгуш Д. Ш., 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье предпринята попытка провести обзор и анализ отечественных и зарубежных научных трудов по истории исследования тувинской этничности, охватывающей такие ее аспекты, как язык, религия, традиционная духовная культура, материальная культура народа, национальный характер, история тувинской этничности, этническая идентичность тувинцев и другие факторы, характеризующие тувинский народ как уникальную этническую группу среди народов Центральной Азии. *Материалы и методы.* В статье были изучены научные труды отечественных и зарубежных авторов, в том числе и ученых — носителей культуры указанного народа. *Результаты.* Проведен обзор и сравнительно-сопоставительный анализ различных теоретических и методологических подходов зарубежных и отечественных исследователей к изучению понятия этничности, в ходе чего было выяснено разнообразие толкований и пониманий данного феномена. Изучены базисные понятия и представления о национальном характере тувинского народа, особенности тувинской ментальности во многих научных трудах ведущих ученых-специалистов в данной области знаний. Выявлено, что наци-

ональный характер тувинцев специфичен, прослеживаются вариативные характеристики этноса, иногда довольно противоречивые: от гостеприимства и созидательности до завистливости и лени. Кроме того, были рассмотрены историческое становление и развитие тувинского языка и его современное положение. Безусловно, в статье также представлен краткий обзор научных трудов, посвященных духовной и материальной культуре тувинцев. Этническая идентичность тувинцев раскрывается во всех ее аспектах в фундаментальных научных трудах современных исследователей, на основе которых был сделан данный научный обзор.

Ключевые слова: тувинцы, этничность, национальный характер, тувинская ментальность, тувинский язык, культура, культурная идентичность, традиционная культура

Для цитирования: Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Tuvan Ethnicity as an Object of Research

Venera S. Dongak¹, Dolaana Sh. Mongush²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Sociology), Head of Department, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-2220-523X. E-mail: dongak@mail.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0001-5428-9151. E-mail: dana_ksd@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dongak V. S., Mongush D. Sh., 2021

Abstract. Introduction. This article attempts to review and analyze domestic and foreign scientific works on the history of the study of Tuvan ethnicity covering such aspects as language, religion, traditional spiritual culture, material culture of the people, national character, history of Tuvan ethnicity,

ethnic identity of Tuvans and other factors characterizing the Tuvan people as a unique ethnic group among the peoples of Central Asia. *Goals*. The article examines scientific works of domestic and foreign authors including scientists – members of the Tuvan culture. *Materials and Methods*. The review and comparative analysis of various theoretical and methodological approaches of foreign and domestic researchers to the study of the concept of ethnicity clarifies the diversity of interpretations and understandings of this phenomenon. *Results*. The basic concepts and representations of the national character of the Tuvan people, peculiarities of Tuvan mentality in many scientific works of leading scientists with expertise in this field of knowledge have been studied. It was revealed that the national character of Tuvans is specific, various characteristics of the ethnos are traced, sometimes quite contradictory: from hospitality and creativity to envy and laziness. In addition, the historical formation and development of the Tuvan language, and its current position were considered. Obviously, the article also provides a brief overview of scientific works dealing with the spiritual and material culture of Tuvans. The ethnic identity of Tuvans is revealed in all its aspects in the fundamental scientific works of modern researchers, on the basis of which this scientific review was made.

Keywords: Tuvans, ethnicity, national character, Tuvan mentality, Tuvan language, culture, cultural identity, traditional culture

For citation: Dongak V. S., Mongush D. Sh. Tuvan Ethnicity as an Object of Research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 1. Pp. 146–172. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172

Введение

Сегодня в научном мире имеется немалое количество исследований, посвященных изучению тувинской этничности. Среди этого разнообразия существуют труды, в которых исследуются, анализируются и раскрываются различные аспекты тувинской этничности, в частности: язык, материальная и духовная культура, традиции, а также особенности этнической и культурной идентичности данного народа в целом. Исследования по тувинской этничности представлены в трудах этнографов, антропологов, историков, языковедов, таких как: [Аранчын 1982; Вайнштейн 1972; Грач 1961; Грумм-Гржимайло 1926; Дулов 2013; Кон 1934; Потапов

1969; Сердобов 1985; Кызласов 1979; Маннай-оол 2004; Март-оол 1992] и др.

В настоящее время этнокультурными проблемами Тувы по разным аспектам занимаются следующие известные ученые-тувиноведы: З. В. Анайбан, Ч. К. Ламажаа, О. М. Хомушку, А. К. Кужугет, М. В. Монгуш, В. Ю. Сузукей, З. К. Кыргыз, Н. О. Товуу, М. В. Бавуу-Сюрюн, Г. Ф. Балакина, В. А. Семенов, Е. В. Айыжы, В. С. Донгак, В. С. Кан [Анайбан 1996а; Анайбан 1996б; Анайбан 1999; Ламажаа 2009; Ламажаа 2013; Ламажаа 2016; Ламажаа 2017; Ламажаа 2018; Хомушку 1998; Кужугет 2006; Монгуш 2001; Монгуш 2002; Монгуш 2010а; Монгуш 2012; Сузукей 2006; Кыргыз 2002; Товуу 2009; Бавуу-Сюрюн 2010; Балакина, Анайбан 1995; Семенов 2000; Айыжы, Базырчап 2013; Донгак 2003; Кан 2005; Кан 2016] и др.

О разных подходах к понятию «этничность»

Говоря об этничности как о социокультурном концепте, стоит отметить то обстоятельство, в котором данное понятие представляется не совсем ясным. Данный вопрос изучался многими известными советскими, российскими и зарубежными этнологами, антропологами и другими исследователями этничности и этнической идентичности.

«*Этничность* — широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. В отечественном общественном сознании более широко употребляется термин *этнос* во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа» [Тишков 2001: 171].

Как утверждает известный российский социолог Н. Г. Скворцов, «несмотря на огромное количество работ, в названиях которых фигурирует „этничность“, подчас весьма сложно разобраться, какое значение придает этому понятию тот или иной автор» [Скворцов 1997: 4].

Аналогичная ситуация сложилась и в зарубежной научной практике. Действительно, точки зрения зарубежных авторов раз-

няться между собой. В качестве подтверждения данного утверждения можно привести цитату из книги британского антрополога М. Бэнкса «Этничность: антропологические конструкции» (*Ethnicity: Anthropological Constructions*, London, 1996), в которой говорится следующее: «На протяжении многих лет „этничность“ является ключевым понятием антропологии и социологии, тем не менее, по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями...» (цит. по: [Скворцов 1997: 4]).

По мнению американских социологов Н. Глейзера и Д. Мойнихена, «этничность составляет отдельные групповые культурные отличительные черты, представляющие этнос»¹ [*Ethnicity* 1975: 5]. Добавим, что указанные авторы рассматривали этничность в качестве средства достижения групповых интересов. Они подчеркивают ситуативные, интерактивные основания понятия этничности, трактуя его в таком ключе [*Ethnicity* 1975: 6].

Т. Парсонс, представитель американской социологической школы второй половины XX в., отмечал, что «этничность — это довольно неуловимое понятие, которое не поддается точному определению» [*Ethnicity* 1975: 5].

Мы абсолютно солидарны с утверждением ученого, поскольку, изучив около тридцати научных трудов, посвященных изучению концепта этничности, мы пришли к выводу, что данное понятие достаточно неоднозначно и определенного окончательного толкования понятия «этничность» быть не может, особенно в параллели с другими концептами и понятиями. Эта неопределенность, соответственно, привела к довольно большому количеству попыток исследователей дать определение феномену.

Заметим, что теоретические подходы к исследованию этничности были предприняты отечественными учеными во второй половине XX столетия.

Н. Г. Скворцов выделяет три основных аспекта в определении и научной интерпретации феномена этничности, описанных в его монографии «Проблема этничности в социальной антропологии»:

---

¹ Здесь и далее перевод с английского языка — Д. Ш. Монгуш.

1) интеракционный (этничность интерпретируется как форма и результат межгруппового взаимодействия);

2) атрибутивный (этничность есть набор определенных качеств группы);

3) субъективно-символический (этничность рассматривается по схеме «этничность = этническая идентичность») [Скворцов 1997: 8].

В указанном источнике не говорится о том, что какой-либо из этих аспектов может превалировать в интерпретации этничности. Для более подробного ознакомления с интерпретацией данных аспектов можно обратиться к вышеуказанному источнику.

Итак, понятие «этничность» неоднозначно, неуловимо, однако оно достаточно ёмко и содержательно. Этничность социально обусловлена, так как она возникает и проявляется в различных процессах социума. В любом случае, понятие «этничность» представляет колоссальный аналитический интерес в научной практике.

Что же понимается под тувинской этничностью, и в чем она выражается? Что входит в совокупность признаков, определяющих тувинцев тувинцами? Какие признаки и качества выделяются доминантными в определении тувинской этничности?

В поисках ответов на вышеуказанные вопросы, мы, безусловно, опираясь на работы авторитетных ученых, пришли к выводу, что нет какого-либо одного аспекта, по которому мы могли бы определить, распознать, понять тувинскую этничность. Для определения тувинской этнической идентичности важны все факторы культуры тувинцев: национальный характер, язык, духовная культура (обычаи, традиции, религия и др.), материальная культура.

Соответственно, в данной статье мы постараемся дать обзор и анализ проведенных исследований по тувинской этничности, затронуть разные составляющие тувинской этничности, чтобы наиболее полно передать ее сущность и особенности. Стоит напомнить, что ни один, ни другой аспект тувинской этничности не является доминирующим или уступающим по своей ценности, релевантности.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. все население Тувы составило 307,930 человек, из них тувинцев — 249,299 человек. В процентном соотношении это примерно 81 % всего населения республики [Итоги ВПН 2013: 285].

Заметим, что с истечением более десяти лет с момента последней переписи населения, результаты которой фигурируют в большинстве научных работ, показатели могут незначительно разниться на сегодняшний день.

«В пределах Российской Федерации также проживают многочисленные группы тофаларов (тофы) и сойотов, которые в прошлом входили в состав тувинского этноса, но, впоследствии отколовшись от него, образовали две самостоятельные этнические единицы. В настоящее время тофалары (около 1 тыс. чел.) живут в Нижнеудинском районе Иркутской области, сойоты (не более 3 тыс. чел.) — в Окинском и Тункинском районах Республики Бурятия [История Тувы 2001: 3].

Необходимо добавить, что «в настоящее время за пределами Тувы живет ряд субэтнических групп тувинцев: в Монголии — около 20 000 человек, в КНР, главным образом в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, — около 4 000 человек» [Монгуш 2002: 17–23].

Национальный характер тувинцев глазами исследователей

Вопросами национального характера тувинцев занимались ведущие отечественные ученые: этнографы, антропологи. Среди них выделим С. И. Вайнштейна, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Л. П. Потапова, Н. А. Сердобова [Вайнштейн 1972; Грумм-Гржимайло 1926; Потапов 1969; Сердобов 1985] и др., а также зарубежных исследователей В. Донахью, Д. Каррутерса, Э. Таубе и др. [Donahoe 1997; Каррутерс 2007; Taube 1974].

Большинство научных трудов принадлежит таким авторам — представителям этноса, как А. К. Кужугет, О. М. Хомушку, Ч. К. Ламажаа, В. Ю. Сузукей, М. В. Монгуш, М. В. Бавуу-Сюрюн, Е. В. Айбыжы и др. [Кужугет 2006; Хомушку 1998; Ламажаа 2013;

Ламажаа 2017; Ламажаа 2018; Сузукей 2006; Бавуу-Сюрюн 2010; Айыжы, Базырчап 2013].

По нашему мнению, тематика национального характера прямо параллельна и даже отождествляется с понятием и сущностью этничности, этнической идентичности.

Согласно Ч. К. Ламажаа, «тувинский национальный характер можно определить как „резко-континентальный“ по тому, каков климат в регионе и каково природно-климатическое разнообразие в ней. Более 80 % территории Тувы занято горами, остальное приходится на равнинные участки. При этом рельеф весьма сложен: чередование хребтов, нагорий, межгорных котловин. Зима морозная, лето жаркое, разница температур сезонов может составлять 80 градусов» [Ламажаа 2018: 51].

Как отмечает автор, «в душе тувинца одновременно также существуют, спрессованы несколько „природных зон“ или черт. Причем, не противоположные друг другу, как у русских в трактовке Н. А. Бердяева, но сложно сочетающиеся. Несовместимые друг с другом, но все же сложившиеся в какой-то удивительно тугой и многослойный узел. Тувинская душа, если выразить через образы, — это раздольная равнина, неприступные горы, щедрая тайга, молчаливая пустыня, пьянящая степь, бурлящие реки, разноцветные озера, плодородная тундра. Тувинцы — степняки, живущие в большом пространстве, окаймленном фиолетовым горным горизонтом, это люди огороженного раздолья» [Ламажаа 2018: 57].

Говоря об «отгороженности» тувинцев, можно упомянуть, также, о «внутрисаянском мире» данного народа (по Ч. К. Ламажаа), где ученый, на наш взгляд, дает невероятно красочную, метафоричную и одновременно точную характеристику национального менталитета описываемого этноса [Ламажаа 2013: 77–78].

Анализируя влияние климата на национальный характер тувинцев, мы обратили внимание на интересное умозаключение голландского религиоведа Б. Кристенсена, в котором утверждается, что «природа не только представляет собой прошлое, но и постоянно воссоздается и наполняется новым смыслом, отражающим

ныне имеющиеся проблемы, через практическое взаимодействие тувинцев с окружающей их природой» [Kristensen 2002].

Тувинский менталитет предстает в работах и как предмет исследования, и в многообразии аспектов, показан в исторических пластах, с указанием утраченного за период XX в. Носители языка также представляют анализ культурных концептов, передающих особенности менталитета [Ламажаа 2017: 18–47].

Мы считаем целесообразным привести в пример этнопсихологические характеристики тувинцев, данные Е. Н. Резниковым и Н. О. Товуу, которые пишут: «Для тыва этноса можно отметить целостность и труднодоступность территории проживания. Борьба этноса тыва за выживание в условиях резко континентального климата сформировала такие психологические черты, как терпение, выносливость, практичность, рационализм, спокойствие и уравновешенность...» [Резников, Товуу 2002: 37].

Кроме того, вышеуказанные авторы описывают в своем труде «такие социально-психологические особенности тувинцев как терпимость, чувство единой родоплеменной и национальной принадлежности, неприхотливость, самостоятельность, настойчивость, независимость, способность переносить трудности, эмоционально-волевая устойчивость, гостеприимность, чуткость, искреннее уважительное отношение к старшим и младшим, вежливость, уважение достоинства и чести других людей, самоограничение, самоуспокоенность, умеренность во всем, стремление к балансу и гармонии в жизни» [Резников, Товуу 2002: 45].

Согласно Е. А. Тюгашеву и Ю. В. Попкову, которые провели анализ тувинского менталитета по концепции П. Сорокина (феноменологическое учение о менталитетах культуры), нельзя утверждать, что менталитет тувинцев относится к классу активных подтипов — активному идеационализму и активно-чувственному менталитету. Они полагают, что это вытекает из созерцательности тувинцев, свойственной многим кочевым народам. Они считают, что «нельзя идентифицировать тувинский менталитет как аскетически-идеациональный, поскольку тувинцы не стремились к трансцендентальным ценностям, а богатство традиционно видели

в количестве скота, детей, родни, в долгожительстве» [Тюгашев, Попков 2017: 5].

В работе этих авторов показано, что «в категориях учения П. А. Сорокина социокультурная динамика менталитета тувинцев состоит в циклической смене псевдоидеационального и идеалистического менталитетов, из которых последний воспринимается как норма традиционной культуры» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Кроме этого, как отмечают Е. А. Тюгашев и Ю. В. Попков, «по П. А. Сорокину, признаками пассивно-чувственного менталитета являются отсутствие настоящего контроля над собой и средой, паразитизм, жизнь под девизом „Вино, женщины, песня“. Такие проявления, действительно стали наблюдаться в последние десятилетия» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Как констатирует Ч. К. Ламажаа: «Часть тувинцев, не вписавшихся в новые социальные требования, не просто молча принимает помощь от более удачливых родственников, не соразмеряя свой вклад в общесемейное распределение сил, но и настаивает на оказании помощи им. Речь идет не только о расцвете старой родовой солидарности, о расцвете клановых отношений, но и о распространении их превращенных форм — общественного паразитизма и безалаберности [Ламажаа 2009: 126].

Ч. К. Ламажаа утверждает, что эти проявления действительно присутствуют, но оцениваются в общественном сознании как отклонение от традиционного тувинского менталитета [Ламажаа 2009: 127].

Напомним, что в описаниях Ч. К. Ламажаа тувинский национальный характер определяется как «резко-континентальный». По мнению автора, такой вывод сделан «с учетом сильного влияния фактора природы и резко-континентального климата региона. В сочетании черт характера можно назвать: созерцательность, художественность, непунктуальность, флегматизм, любовь к детям, групповое соперничество, завистливость и пр.» [Ламажаа 2013: 77].

Изучив работы вышеназванных ученых, мы пришли к мысли, что в двух словах невозможно дать единую оценку или интерпре-

тацию национального характера, менталитета тувинцев. Национальный характер тувинцев многослойный, не однобокий, иногда даже противоречивый. Это обусловлено тем, что аспектов много, так же как и взглядов и подходов к ним.

Каждый исследователь видит ту или иную особенность менталитета народа, дает свою, возможно, в некоторых моментах, субъективную оценку, и даже есть моменты, когда возникали «научные противостояния» по объекту исследования, как, например, это наблюдается в анализе работ Д. Каррутерса и Г. Е. Грумм-Гржимайло. Такие наблюдения были отмечены многими исследователями, в том числе и Ч. К. Ламажаа [Ламажаа 2017: 22–23].

Ч. К. Ламажаа, отмечая ценность тувинского менталитета, пишет, что «тувинская ментальность, как вся культура тувинцев признана ценностью и вошла в поле внимания научного знания» [Ламажаа 2018: 12–13].

Мы считаем, в данном утверждении кроется не только правдивое научное заявление, но и призыв к дальнейшей научной и творческой деятельности, кроме того, оно прямо отражает всю актуальность и важность тувинской ментальности, и, безусловно, национального характера тувинского народа.

По нашим наблюдениям, научные труды тех или иных авторов из всех вышеперечисленных, а в особенности носителей культуры, взаимодополняют друг друга и создают интригу — базу для дальнейших размышлений, анализа и исследований.

Тувинский язык — зеркало культуры тувинского народа

Язык народа — главная его ценность. Довольно часто можно встретить утверждение о том, что, если нет языка — нет и народа. Однако, в силу некоторых обстоятельств, обуславливающих существование этноса и его уникальность, данное заявление, на наш взгляд, относительно, поскольку есть такие народности (в основном малочисленные), которые существуют вне зависимости от наличия языка или же его вымирающего состояния. Но это уже другой вопрос для обсуждения. Однако, безусловно, язык — главная духовная ценность, национальный символ культуры каждого народа.

Согласно Конституции Республики Тыва (2001 г.), государственными языками в республике считаются русский и тувинский языки [Конституция РТ 2001].

Русский язык — государственный язык межнационального общения, который доминирует, по своей функциональности, во всех сферах жизнедеятельности в республике. Тувинский язык — родной язык титульного этноса в регионе, его «визитная карточка».

История тувинского языка имеет далекие корни. Как отмечает в своих трудах М. В. Бавуу-Сюрюн, известный филолог-тувиновед, «тувинский язык относится к тюркской группе, то есть генеалогически он родственен казахскому, татарскому, азербайджанскому и некоторым другим языкам. Вместе с шорским, хакасским, тофаларским, алтайским языками он составляет тюркскую группу языков Южной Сибири. Известно, что тюркские языки богаты и разнообразны» [Бавуу-Сюрюн 2010: 58].

Современный тувинский язык унаследовал целый ряд черт от древних тюркских языков. В современном тувинском языке выделяют 4 диалекта: центральный, западный, северо-восточный (тоджинский) и юго-восточный. Считается, что нормы литературного языка сформировались на базе центрального диалекта.

Современное состояние тувинского языка неоднозначно. Сейчас тувинский язык — это важный аспект тувинской этничности, который сталкивается с рядом «вызовов», несмотря на то, что подавляющее большинство жителей республики тувинской национальности. Например, в городах республики «притормаживается» приток в национальные классы, поскольку сложилось общественное мнение, что русские классы дают лучшую подготовку для поступления в вузы и не только в республике, но и за ее пределами, сужается функциональность тувинского языка, тувинский язык остается в основном языком семейного общения.

В. С. Кан и Д. К. Тулуш писали в своей работе «Социологическая ситуация и перепись в Туве» о следующем: «Абсолютное большинство тувинцев являются носителями родного языка, употребляют его повсеместно и постоянно. Установка на повседневное применение тувинского языка формируется в семье, что обе-

спечивает языковую преемственность поколений. Опросы показали, что даже если тувинец плохо знает или вообще не владеет тувинским языком, он считает его родным, а себя — тувинцем» [Кан, Тулуш 2011: 222–224].

По результатам социолингвистического исследования, проведенного в 2016 г. учеными Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ, г. Кызыл, Республика Тыва), под руководством филолога Н. Ч. Серээдар, «тувинцы владеют своим родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения» [Серээдар 2018: 4–18].

Исследователи убеждены, что обучение языку нужно начинать в раннем детстве, так как в более позднем возрасте эффективность процесса снижается. Считается, что в обучении детей родному языку, передаче им народных обычаев и традиций ведущая роль принадлежит сфере семейного общения, дошкольного воспитания и школьного образования. Более детальное описание результатов проведенного исследования, которые носят совершенно практический характер, доступно в вышеуказанном источнике.

В последнее время в республике проводится немало социальных проектов и образовательных мероприятий по сохранению родного языка. Главной целью языковой политики в Республике Тыва является, в первую очередь, «создание условий для сохранения, равноправного развития тувинского языка как государственного языка Республики Тыва» [Постановление 2017: 8]. Так утверждалось в государственной программе Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы». Фундаментальной является и «стратегия сохранения и упрочения сбалансированного тувинско-русского и русско-тувинского двуязычия, при котором обеспечивается знание тувинского языка как государственного и русского языка как языка государственного и языка межнационального общения всем населением республики, создания условий для гармоничного взаимодействия тувинского языка с русским языком в Республике Тыва» [Постановление 2017].

Духовная и материальная культура тувинцев

Английский этнолог Эдвард Тайлер дает классическое определение культуры: «Культура представляет собой сложное целое, включающее познание, верования, искусство, мораль, право, обычаи и некоторые другие способности и привычки, присущие человеку как члену общества» [Тайлер 1989: 18].

Известно, что становление и развитие тувинской культуры происходило достаточно длительное время, в наиболее полном виде она сформировалась к XIX в., т. е. ко времени завершения процесса формирования тувинцев как этноса.

Этнографическое изучение тувинцев началось с XVII в. и продолжается по настоящее время. Сведения о тувинской культуре были собраны исследователями XIX – начала XX вв.

Как правило, культура народностей рассматривается в разном «ключе». Однозначно, традиционная духовная культура тувинцев тесно связана с их материальной культурой.

Духовная культура тувинцев

Духовная культура тувинцев, как и других подобных этнических групп, включает в себя мифологию, религию, традиции, обрядность, художественное творчество (декоративно-прикладное, музыкальное, фольклор) и многое другое.

Безусловно, мифология является одним из основополагающих составляющих любой культуры. Жизнь человека с момента его рождения и до смерти в русле этнокультурной традиции обеспечивала спецификацию формирования и культивирования мировоззренческих основ в процессе усвоения традиционного образа жизни, типа мышления, передававшихся в течение многих веков от одного поколения к другому через познание мифологических констант. Считается, что для того, чтобы понять особенности мироощущения тувинцев традиционного общества, необходимо рассмотреть мифологические архетипы.

Вопросы религии в Туве неоднозначны, интересны, привлекательны для научного сообщества.

В Туве народные верования всегда играли большую роль, причем они занимают важное место в религиозном комплексе даже

на сегодняшний день. Они отражают разные стороны их общественной, производственной и идеологической жизни. Племенные культы доклассового общества представлены у тувинцев культурами, характерными для всех кочевых народов Центральной Азии. Это культы неба, земли, огня, ландшафтных божеств (духов-хозяев горы, рек, тайги и других природных объектов) и промысловые культы [Монгуш 2001: 133–147].

«В религиозных представлениях народа природные объекты олицетворяли силы реального и мифического космоса, и человек призывал их к себе в союзники, в честь них устраивал различные культовые обряды. Он как бы заручался их поддержкой, чтобы обеспечить благополучие рода. Совершение обряда — это важная часть жизни общества, от его проведения зависела вся последующая жизнь участников, суть которого заключалась в умилоствлении духов — хозяев мест, своеобразном приручении их, установлении контактов с ними ради благополучия рода на конкретный срок» [Айыжы, Базырчап 2013: 18–21].

Как утверждает религиовед М. В. Монгуш, «вместе с этими культурами у тувинцев существовал достаточно развитый институт шаманизма. В отличие от племенных культов, ритуальные действия которого направлены на определенный объект (небо, земля, огонь и т. д.), и эти действия мог совершать каждый человек, шаманизм представлял собой довольно четкую систему, благодаря которой выделился в самостоятельную религию, ритуальные действия, которого совершались опосредованно, через особое специфическое общение с миром духов его жрецов-шаманов, попавших в эту касту по принципу наследственного шаманского дара, путем погружения в состояние шаманского экстаза. Наличие этой касты жрецов позволяло шаманизму оставаться одной из основных религий в тувинском обществе» [Монгуш 2001: 133–147].

Буддизм в Туве — религия, которую исповедуют многие жители республики. Сегодня большинство тувинцев позиционируют себя как буддисты. Однако, как пишет религиовед, профессор О. М. Хомушку, «нельзя делать однозначный вывод о том, что в регионе доминирует буддизм, что он играет главенствующую

роль в современных процессах религиозного возрождения Тувы. Институционально — да, но если определять религиозность населения с точки зрения других критериев (религиозной веры, религиозного поведения и пр.), то очевидно, что речь идет о сложном религиозном синкретизме» [Хомушку 1998: 108–137].

Как отмечают Е. А. Тюгашев и Ю. В. Попков, «распространение буддизма в Туве позволяет отнести ее к странам с идеациональной культурой. Вместе с тем известно, что в Туве отсутствовала теократия. Таким образом, культурные ситуации в Тибете и Туве различны. Это дает основания предполагать, что тибетский и тувинский менталитеты нетождественны» [Тюгашев, Попков 2017: 6].

Форма буддизма, сложившаяся в Туве, представляет национальную разновидность, которая формировалась в каждой стране. За время своего становления в Туве буддизм синтезировал все бытовавшие в шаманской и дошаманской практике культы (культы неба, земли, огня, ландшафтные культы и т. д.), дополнив их буддийскими идеями о перерождении, карме, нирване [Монгуш 2001: 52].

По мнению ряда исследователей, конфликт между буддизмом и шаманизмом существовал только в начале, но затем он смягчился, и между ними сохранились мирные контакты. М. В. Монгуш считает, что это произошло благодаря веками отработанной буддизмом системе приспособления, трансформации, усвоения сложившихся в обществе сакральных традиций, управляющих повседневной жизнью народа. Тесное взаимодействие буддизма и шаманства довольно отчетливо прослеживалось в повседневной жизни народа [Монгуш 2001:56].

Современная Тува, по словам А. Иконникова-Галицкого в его статье «Разноцветная вера в Туве», это «зона контакта и взаимодействия четырёх типов религиозных умонастроений, менталитетов, духовных практик. В соответствии со старинной центрально-азиатской традицией эти четыре веры можно обозначить четырьмя цветами [Иконников-Галицкий 2011]. Мы решили визуализировать его «цветовую» классификацию вер следующим образом:

Таблица 1. Разноцветная вера в Туве

Вера	Краткое толкование
«Чёрная вера»	Это шаманизм. Наследие древних духовно-культурных традиций
«Жёлтая вера»	Ламаизм, тибетско-монгольский буддизм, активно насаждавшийся во времена Циньского владычества
«Белая вера»	Православие, привнесённое русскими поселенцами в конце XIX – начале XX в.
«Красная вера»	Старообрядчество. Исходя из его его непокорного властям, протестного характера, автор называет «красной верой»

Заметим, что в данной таблице представлено понимание конфессиональной ситуации в Туве десятилетней давности, которое было сформировано как «взгляд со стороны», и, тем не менее, оно отображает общую религиозную картину в регионе, на наш взгляд, актуальную и по сей день.

Таким образом, «современная религиозная структура в Республике Тыва является результатом исторически длительного и сложного процесса. Его сложность определяется поликонфессиональностью, для которой характерны две тенденции: возрождение и развитие традиционных религиозных верований и рост влияния религиозных убеждений» [Монгуш 2012: 98–110].

В большинстве научных работ, посвященных изучению тувинской культуры в широком спектре, делаются выводы о высокой сохранности архаичных элементов культуры в Туве, которые постепенно были утрачены у родственных народов в процессе их тесного, взаимообусловленного контакта с русскими поселенцами Сибири.

Материальная культура тувинцев

Этнические тувинцы, проживающие на территории Республики Тыва, делятся на две группы: западные и восточные. Западные

тувинцы — основная часть тувинского этноса, расселенные по всей республике. Восточные тувинцы — «тувинцы-тоджинцы», проживающие в Тоджинском районе Республики Тыва, который располагается в восточной части территории региона.

Согласно С. И. Вайнштейну, советскому и российскому специалисту по истории, этнографии и археологии Тувы, к началу прошлого столетия в Туве сложились следующие хозяйственно-культурные типы.

Для западных тувинцев характерен хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов, который сочетался с земледелием и охотой, а также домашним производством и ремеслом. Основным жилищем служила войлочная юрта. Схожий тип хозяйства присущ и другим кочевым скотоводческим народам, таким как алтайцы, буряты, монголы и др. [Вайнштейн 1972: 138]. Для восточных тувинцев, тувинцев-тоджинцев, характерен хозяйственно-культурный тип охотников-оленеводов тайги, так называемый «саянский горнотаежный подтип». Хозяйство восточных тувинцев, также, основывалось на собирательстве и рыболовстве. Основное жилище тувинцев-тоджинцев — чум [Вайнштейн 1972: 139].

Заметим, что какими бы различными уровнями и изменчивыми формами действительности не проявлялась культура, первичной остается этническая. Именно на ней коренится основа настоящего и будущего развития любого народа. Следует отметить особую актуальность вопроса о сохранении существующих и возрождении утраченных элементов традиционной культуры для тувинцев [Иргит 2010: 7187].

О важности сохранения и развития национальной традиционной культуры говорится и в трудах авторитетного ученого З. В. Анайбан: «На сегодняшний день общественная жизнь в Туве характеризуется доминированием национальной тувинской культуры. В условиях возрождения этнической культуры на передний план вышли те виды традиционной культуры, которые вызывают интерес за пределами Тувы: бурный прогресс таких весьма экзотических элементов тувинской культуры, как горловое пение, национальные танцы, шаманизм и ремесла. Главным фактором домини-

рования тувинского национального в сфере культуры стал, прежде всего, процесс национального возрождения традиций, обычаев. Этому в некоторой степени способствует численное преобладание тувинского этноса. Одним из основных факторов, способствующих этому, является устойчивое положение тувинского языка, его государственный статус в республике, широкая сфера его функциональности» [Анайбан 1996а: 59].

Этническая идентичность тувинцев в трудах современных исследователей

На современном этапе научного знания изучение проблем этнической идентичности, как и феномена этничности в целом, представляет большую релевантность, и ранее такие вопросы являлись полем для многочисленных исследований отечественных ученых: социологов, этнографов, культурологов.

Этническая идентичность, в первую очередь, основывается на этнической истории народа. Этническая история тувинского народа богата, разнообразна.

Как полагает В. Ю. Хотинец, на степень выраженности этнической самоидентификации может влиять этническое окружение. Позитивная этническая идентичность формируется в этническом самосознании этнофоров, проживающих в условиях социокультурного соответствия естественным популяционным границам, т. е. в своей социокультурной среде. Негативная форма выражения этнической самоидентификации, вызванная преуменьшением оценки своего этноса при противопоставлении его другому этническому образованию, проявляется в большей степени в поли- и иноэтничной среде через отождествление себя с компонентами иноэтничного окружения, что безусловно влияет на степень выраженности этнической идентичности [Хотинец 1999: 72].

Этническая самоидентификация, как подчеркивает З. В. Сикевич, является не переменным атрибутом этнического (национального) самосознания. Она носит ситуативный характер и может быть обусловлена конкретными политическими реалиями [Сикевич 1999: 100–101].

В исследовании, проведенном З. В. Анайбан в 1994–1995 гг. в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в РФ», вопрос об этнической консолидации звучал таким образом: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Респонденты отвечали «во-первых, историческое прошлое, язык, культура, во-вторых, религия, обычаи, обряды, а также черты характера» [Анайбан 1999: 231].

Кроме этого, З. В. Анайбан в своем исследовании отмечает невысокий процент опрошенных, указавших на внешний облик как на идентифицирующий признак (что тоже характерно в ответах настоящего исследовательского блока) и на необходимость исследования этого явления [Анайбан 1999: 233].

Во время эмпирического этносоциального исследования, которое проводилось В. С. Донгак в начале 2000 гг., для определения степени выраженности этнического «я» тувинского народа автор применила прямой вопрос («Кем вы себя чувствуете в большей мере?»), используя номинальную шкалу («прежде всего», «в определенной степени», «совсем или почти не чувствую») и предлагая респондентам для оценки следующие варианты ответов: (чувствую) «гражданином мира», «гражданином России», «тувинцем», «представителем рода» [Донгак 2003: 110].

Проанализировав ответы респондентов, В. С. Донгак пришла к следующему выводу (табл. 2).

Таблица 2. Степень выраженности этнического «Я»

Кем вы себя чувствуете в большей мере?	Прежде всего	В определенной степени	Почти или совсем не чувствую
Гражданином мира	15,0	8,7	1,2
Гражданином России	30,8	25,0	1,1
Тувинцем	83,7	5,0	-
Представителем рода	46,2	6,2	-

Сумма ответов по столбцу может превышать 100 %, так как респондент имел право выбрать несколько ответов.

В таблице демонстрируются ответы респондентов, которые, прежде всего, идентифицируют себя с людьми своего народа (83,7 %).

Как пишет В. С. Донгак, «в настоящее время, несмотря на то, что разделение тувинцев по родовой принадлежности не имеет такого важного значения, как раньше, традиционные внутривидовые связи все еще весьма сильны и существенно влияют на этническую самоидентификацию тувинцев (46,2 %). Российская идентичность не является доминирующей, тем не менее 30,8 % (прежде всего) и 25,0 % (в определенной степени) опрошенных идентифицировали себя с гражданином России» [Донгак 2003: 111].

Соответственно, В. С. Донгак обобщает результаты исследования таким образом, что «тувинцы имеют устойчивую, позитивную этническую идентичность, которая проявляется в высокой степени выраженности тувинской этнической идентичности, стремлении к сохранению аутентичности и этнической самобытности, — иными словами, тувинцы в своем подавляющем большинстве гордятся тем, что они тувинцы» [Донгак 2003: 112–115].

Наш интерес привлекли наблюдения, описанные и в труде В. С. Кан, которая, опираясь на результаты социологического исследования, утверждает, что «относительно однородная этническая среда в регионе, слабая распространенность межнациональных браков в Туве способствуют укреплению тувинской идентичности. По данным опроса 2008 г., более выраженной у жителей столицы была этническая идентичность. Это же на материале всей республики показывают и данные переписи 2010 г. Национальную принадлежность тогда указали 303 857 человек из 307 930 (98,7 % населения). Причем здесь она указывалась как единственная (или тувинец, или русский), в отличие от других регионов, где были зафиксированы разные варианты национальной принадлежности (к примеру, «русский-татарин», «русский, еврей и др.»)» [Кан 2016: 65].

Заключение

На наш взгляд, сегодня ситуация с этнической идентичностью тувинцев в регионе такова, что она занимает достаточно прочную

позицию, уходящую своими корнями в глубь этнической истории тувинского народа, его традиционной культуры и контролируемой языковой ситуацией в республике, обусловленной возрождением тувинской культуры в разных ее аспектах и доминированием части населения, говорящей на родном языке.

Согласно Ч. К. Ламажаа, условием развития этнологической науки в Туве является тот факт, что «Тува — территория с сильно этнически маркированным пространством». Здесь этничность определяет многое: особенности политической жизни, особенности социокультурных процессов, социальные связи и отношения, социальные процессы и социальные события и мн. др.» [Ламажаа 2016: 42]. История Тувы, межэтнические отношения, политическая жизнь республики, система образования, культурная жизнь, религиозная картина Тувы — все аспекты тувинского — обусловлены этничностью, представляет собой интереснейший объект для изучения [Ламажаа 2016: 42].

Научные труды по проблематике тувинской этничности многих авторов взаимодополняют друг друга, вызывают в свою очередь новые дискуссии и намечают пути дальнейших исследований в заданной области научного познания.

Литература

- Айыжы, Базырчап 2013 — *Айыжы Е. В., Базырчап А.-Х. О.* Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая и Монголии в начале XXI века (сравнительный аспект) // Известия Кемеровского государственного университета. 2013. № 3. Т. 1. С. 18–21.
- Анайбан 1996а — *Анайбан З. В.* Республика Тува: модель этнологического мониторинга. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 96 с.
- Анайбан 1996б — *Анайбан З. В.* Этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Туве // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. М.: Центр по изучению межнац. отношений РАН, 1996. С. 243–245.
- Анайбан 1999 — *Анайбан З. В.* Республика Тыва: поиски новой этнической идентичности // III Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов (г. Москва, 8–11 июня 1999 г.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 237–248.

- Аранчын 1982 — *Аранчын Ю. Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
- Бавуу-Сюрюн 2010 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 57–71. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_7/2158-bavuu-syuryun-mv.html (дата обращения: 10.01.2021).
- Балакина, Анайбан 1995 — *Балакина Г. Ф., Анайбан З. В.* Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина; Сиб. отд-ние РАН, Тувин. комплекс. ин-т. Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма, 1995. 137 с.
- Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 314 с.
- Постановление 2017 — Государственная программа Республики Тыва «Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы» [электронный ресурс] // Постановление Правительства РТ от 07 апр. 2017 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446197328> (дата обращения: 10.01.2021).
- Грач 1961 — *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М.: Вост. лит., 1961. 96 с.
- Грум-Гржимайло 1926 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран / составлен Г. Е. Грум-Гржимайло. 1926. 412 с.
- Донгак 2003 — *Донгак В. С.* Этническая идентичность тувинцев: дисс. ... канд. соц. наук: СПб., 2003. 183 с.
- Дулов 2013 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. / М-во образования и науки РФ, Тувинский гос. ун-т, Восточно-Сибирская гос. акад. образования. Кызыл: Изд-во ТувГУ; Иркутск: Восточно-Сиб. гос. акад. образования, 2013. 499 с.
- Иконников-Галицкий 2011 — *Иконников-Галицкий А.* Разноцветная вера в Туве [электронный ресурс] // TUVA.ASIA: портал о тувиноведении. 2011. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/2995-raznoscvetnaya-vera.html> (дата обращения: 10.01.2021).
- Иргит 2010 — *Иргит Ч. К.* К определению основных направлений развития этнографической науки Тувы // Новые исследования Тувы. 2010. № 1. С. 71–87. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/561> (дата обращения: 12.01.2021).

- История Тувы — История Тувы. В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- Итоги ВПН 2013 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Тыва. Национальный состав и владение языками, гражданство населения РТ. Т. 4. Кызыл: Тывастат, 2013. 341 с.
- Кан 2005 — *Кан В. С.* Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2015. С. 128–133.
- Кан 2016 — *Кан В. С.* Этносоциальный профиль тувинцев // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 12.01.2021).
- Кан, Тулуш 2011 — *Кан В. С., Тулуш Д. К.* Социологическая ситуация и перепись в Туве // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В. С. Степанова. М.: ИЭА РАН. 2011. С. 372–383.
- Каррутерс 2007 — *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край // Урянхай. Тыва дептер. Т. 4. Ч. 1. М.: Слово, 2007. С. 10–261.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию // За пятьдесят лет. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльно-переселенцев. 1934. 293 с.
- Конституция РТ 2001 — Конституция Республики Тыва [электронный ресурс] // Закон Республики Тыва от 6 мая 2001 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.sntd.ru/document/906705011> (дата обращения: 10.01.2021).
- Кужугет 2006 — *Кужугет А. К.* Духовная культура тувинцев. Структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 319 с.
- Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: изд-во Московского ун-та, 1979. 206 с.
- Кыргыз 2002 — *Кыргыз З. К.* Тувинское горловое пение: Этномузыковед. исслед. Отв. ред. И. В. Мацневский; М-во культуры и кино Респ. Тыва, Междунар. науч. центр «Хоомей». Новосибирск: Наука, 2002. 234 с.
- Ламажаа 2009 — *Ламажаа Ч. К.* Социальная архаизация постсоветской Тувы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 124–129.
- Ламажаа 2013 — *Ламажаа Ч. К.* Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии [электронный ресурс] // Новые исследо-

- вания Тувы. 2013. № 3. С. 69–83. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6479-lamazhaa.html (дата обращения: 09.01.2021).
- Ламажаа 2016 — *Ламажаа Ч. К.* Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. С. 32–51. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (дата обращения: 10.01.2021).
- Ламажаа 2017 — *Ламажаа Ч. К.* Исследования менталитета тувинцев и тенденция субъективизации гуманитарного знания // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 18–48. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/724/1128> (дата обращения: 11.01. 2021). DOI: 10.25178/nit.2017.3.2
- Ламажаа 2018 — *Ламажаа Ч. К.* Национальный характер тувинцев. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 141 с.
- Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы. Происхождение и формирование этноса / отв. ред. В. Н. Тугужекова; М-во кадровой политики, науки и учеб. заведений Респ. Тыва, Тувин. ин-т гуманитар. исслед. Новосибирск: Наука, 2004. 164 с.
- Март-оол 1992 — *Март-оол В. Д.* Социально-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики: 1921–1944 гг.): дисс. ... канд. ист. наук, 1992. 160 с.
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Монгуш 2002 — *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая и их этнокультуральные группы // Ученые записки ТИГИ. Вып. XIX. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. С. 12–30.
- Монгуш 2010а — *Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 358 с.
- Монгуш 2010б — *Монгуш М. В.* Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 203–237. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата обращения: 10.01.2021).
- Монгуш 2012 — *Монгуш М. В.* Старые и новые религии в Туве // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 98–110. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/356> (дата обращения: 12.01.2021)
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. М.: Наука, 1969. 402 с.

- Резников, Товуу 2002 — *Резников Е. Н., Товуу Н. О.* Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика: Монография / Е. Н. Резников, Н. О. Товуу. 2 изд. М.: PerSe, 2002. 223 с.
- Семенов 2000 — *Семенов В. А.* Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 204 с.
- Сердобов 1985 — *Сердобов Н. А.* Коминтерн и революционная Тува (1921–1944 гг.). Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1985. 238 с.
- Серээдар 2018 — *Серээдар Н. Ч.* Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 4–19. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/752> (дата обращения: 10.01.2021). DOI: 10.25178/nit.2018.1.1
- Сикевич 1999 — *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.
- Скворцов 1997 — *Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1997. 183 с.
- Сузукей 2006 — *Сузукей В. Ю.* Культурно-исторические корни музыкального наследия тувинцев, его функционирование и модернизация в XX веке: дисс. ... д-ра культурологии. Кызыл, 2006. 331 с.
- Тайлер 1989 — *Тайлер Э.* Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Тишков 2001 — *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
- Товуу 2009 — *Товуу Н. О.* Психологический облик тувинского народа / Мин-во образования и науки РФ, Фед. агентство по образованию, Тувинский гос. ун-т. Кызыл: изд-во ТывГУ, 2009. 230 с.
- Тюгашев, Попков 2017 — *Тюгашев Е. А., Попков Ю. В.* Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 4–17. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/723> (дата обращения: 13.01.2021). DOI: 10.25178/nit.2017.3.1
- Хомушку 1998 — *Хомушку О. М.* Религия в истории культуры тувинцев. М.: РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1998. 177 с.
- Хотинец 1999 — *Хотинец В. Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67–74.

- Donahoe 1997 — *Donahoe B.* Tuva Sets Sights on Sustainable Development / In *Surviving Together: A Quarterly on Grassroots Cooperation in Eurasia*. Winter. 1997. Pp. 38–40.
- Ethnicity 1975 — *Ethnicity: Theory and Experience* / N. Glazer and D. Moynihan (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. 552 p.
- Kristensen 2002 — *Kristensen B.* The Landscape of Knowledge. A Discussion of the Construction of Shamanistic Knowledge among Rural and Urban Tuvans [электронный ресурс] // Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism. Institute of Anthropology, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark. April 2002. URL: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (дата обращения: 12.01.2021).
- Taube 1974 — *Taube E.* Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. Berlin: Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. № 5. 1974. Pp. 589–607.